

Вечерний Звон

*От трудов Сергия Радонежского, от Троицы пошло
монастырское строение по всей Руси, достигнув
пределов Белого моря.*

*Монашескому подвигу мы посвятили номер «Быль
монастырская», но тема эта неисчерпаема, мы будем
возвращаться к ней снова и снова.*

*Подмосковные монастыри – замечательная часть нашего
исторического наследия, едва ли не каждый
претендует на место в учебниках по истории
архитектуры. Потому не иссякает поток художников
и фотографов к древним монастырским стенам
и, к нашей великой радости,
сегодня не мерзость запустения встречает их, а
вселяющий надежду на возрождение
колокольный звон.*

Сергиев Посад. Георгий Победоносец.
Металлическое литье. XVI в.

За монастырской стеной

Сергей Разгонов

Фото Александра Миловского

Товорят, под Звенигородом, у стен Саввино-Сторожевского монастыря, задумал Левитан свой «Вечерний звон». Чуткая душа художника отозвалась на увиденную здесь красоту. И все-таки картину писал он не здесь, отсюда только взял настроение, название, пение монастырского колокола, нежный свет летнего заката на воде. Писал не здесь, потому что слишком красива, слишком безупречна была гармония архитектуры и природы.

Да, и Саввино-Сторожевский и многие другие монастыри Подмосковья по праву входят в золотую книгу древне-русского искусства.

Пожалуй, только великие северные монастыри могут сравниться с ними по художественному воздействию на человека.

Зодчие, строители Саввино-Сторожевского, Троице-Сергиева, Ново-Иерусалимского, Иосифо-Волоколамского и иных ближних к Москве монастырей были настоящими «мастерами живых камней», как называли средневековых архитекторов.

Монастырь—это лаконизм крепости, это сплетение горизонтальных линий могучих стен и взлетных вертикалей башен, колоколен, кружение куполов, мощный небесный ход крестов. Здесь ни одна форма не может быть лишней—как фальшивая нота при игре оркестра она сразу станет заметной, нарушит мелодию. А мелодия монастырской музыки сродни Бетховенской Девятой симфонии—такая в ней мощь, такой заряд очищения, света, праздничной свободы.

«Одой радости» можно назвать сияющие золотом купола Троицы—вспомните зимний солнечный день, когда вы выезжаете в Сергиев Посад по московской дороге. Неслучайно такой любознательный и впечатлительный турист как французский писатель Теофиль Готье, совершивший паломничество в Лавру 130 лет назад, назвал испытанное им чувство «восхищенным удивлением». Его поразили цвета церкви на снежном фоне—«голубой цвет Марии-Луизы, ярко-красный, яблочно-зеленый...»

Они сегодня поражают и нас, будут поражать людей через века.

Эта сочная красота—зима, конечно, особенно под стать монастырской мощи—не могла не возбудить воображение целой плеяды художников, писавших Троицу. Константин Юон, например, полнее всего выразил себя именно в картинах, связанных с жизнью Троице-Сергиевой Лавры.

Великое духовное влияние этой святыни на историю России, на опыт многих поколений не подлежит сомнению. Каждый прошел свою дорогу в Троицу, каждый искал здесь опоры, поддержки, веры—со времени, когда сюда приходил за помощью накануне Куликовской битвы князь Дмитрий... В дни, когда мы единодушно праздновали шестисотлетие памяти преподобного Сергия Радонежского, каждому чуткому сердцу стал особенно близок и любим этот святой заступник и печальник русской земли.

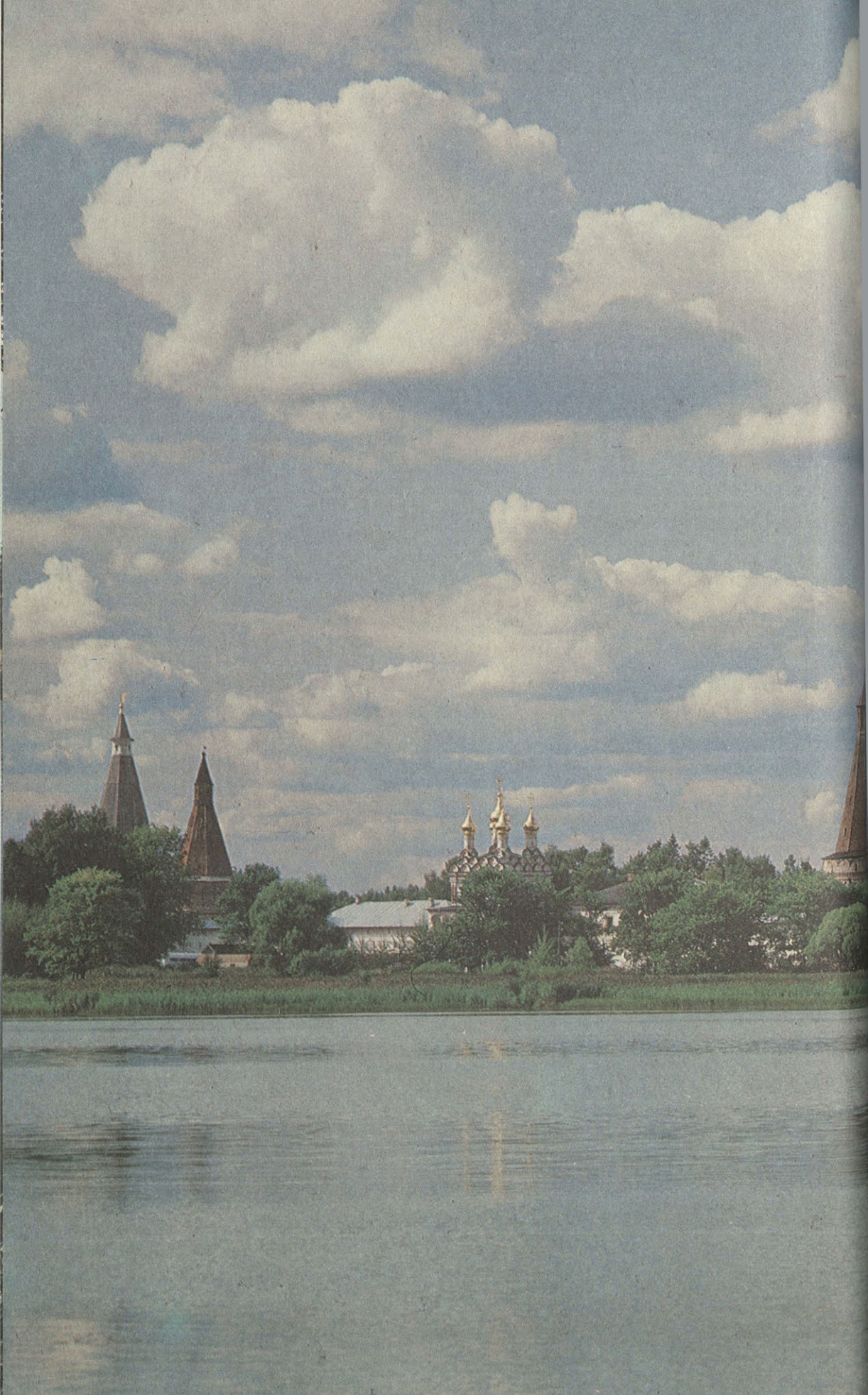
Даже если бы в Подмосковье не было других замечательных центров красоты и духовности, одной Лавры с лихвой хватило бы для нравственного, религиозного, художественного воспитания людей не одной Московской губернии, а всей России. Такова магнитная сила этого места. И таких мест на земле не так уже много—Мекка, Иерусалим, Ватикан.

Гениальность русских мастеров, строивших монастырские крепости,—в умении соединиться с рельефом: вписаться в лесной горизонт, в голубой окаем неба, умение играть тенью, цветом, объемом, ритмом. Посмотрите, как компактен Саввино-Сторожевский, как ловко оседлал он небольшое взлобье крутого холма, зацепился за него, уперся башнями и пряслами—одно целое, не разорвать, не растянуть в цепочку этот сказочно-богатырский клубок. И так легко себе представить, как возбужденный этой красотой, Федор Иванович Шаляпин забирался на самый верх колокольни и оттуда громовым басом поет «Вечерний звон». Вот было зрелище! Кто видел и слышал, до смерти не забыл.

Такой же, собранный в прочный кулак,—Новый Иерусалим—и тоже холмом диктуется его сбитость, округленность.

Село Уборы на Москве-реке.

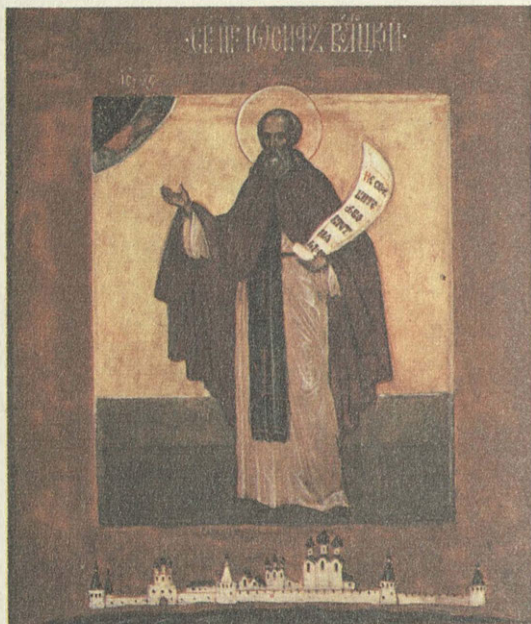
Иосифо-Волоколамский монастырь →

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

Иосиф Волоцкий. Икона XVI в.

А вот Иосифо-Волоколамский по равнине расстелился, вытянулся всем фронтом, играет силуэтами на фоне июньской зари или на лимонном январском закате. Здесь особая роль силуэтного рисунка — потому так проработаны линии шатров, так легки и воздушны башни.

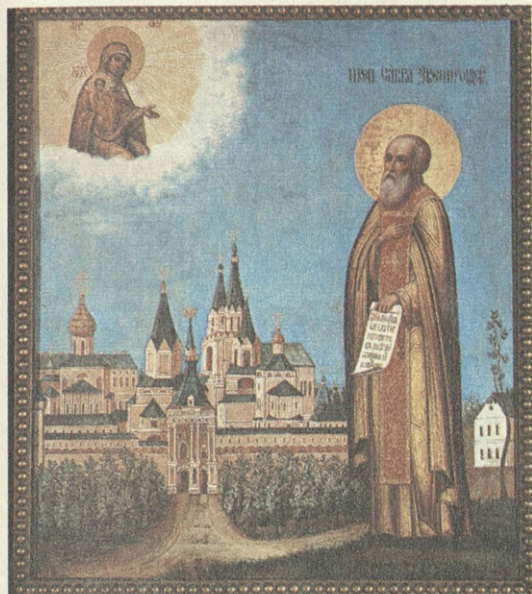
Какие были мастера — такие тонкости понимали. Они на пустом месте это чудо творили, то есть в воображении, в мечте видели его сначала, представляли как некий пространственный идеал. И сила созданных ими образов была такова, что даже война, отнявшая колокольню Иосифо-Волоколамского монастыря, не могла отнять у него цельности, такова была сила оставшихся шатров и шпилей, рассыпавшихся в подмосковном небе салютом острых стрел.

Но как ни прекрасны ансамбли подмосковных монастырей, как ни тесно связаны они с ландшафтом, за воротами любого монастыря вас ждут неожиданности, ждут встречи с первоклассными памятниками, которые, сами по себе, вне монастырских стен, могли бы составить честь любой архитектурной хрестоматии. В белом кружеве резьбы собор Рождества Богородицы в Саввино-Сторожевском монастыре. Построен в 1405 году — едва ли не самое древнее здание на московской земле, ровесник

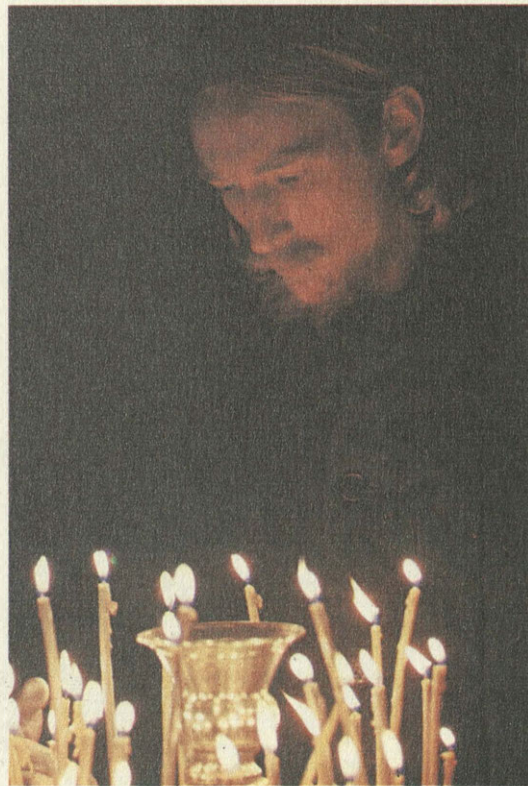
Успенского собора «на Городке» — на кромке вершинного берега Москвы-реки в Звенигороде. Здесь, «на Городке» и в соборе Рождества, писал Андрей Рублев, — только за это Звенигород можно признать великим городом, равным итальянскому Ассизи, прославленному святым Франциском и фресками Джотто. «Звенигородский чин» Рублева, как и его «Троица» — величайшее достояние России, гордость московской земли и культуры. Нам, пережившим тотальный атеизм и несколько съездов многотысячного союза художников, непросто понять, как гениальный чернец-одиночка Андрей Рублев мог создать целый мир, который на все времена стал желанным пределом для живописцев.

Тот же Саввинский монастырь поражает кремлевской мощью своих стен. Нельзя забыть его главную Красную башню, которая венчает опасную крутизну холма. Кажется, что ее циклопическая мощь опрокидывается на каждого, кто поднимается в монастырь. Эта башня дерзко соединила небо и землю, прошлое и настоящее, те легендарные времена, когда Звенигород спорил с Москвой, с нынешними...

В архитектурной сокровищнице Подмосковья неизбывна слава Воскресенского собора в Новом Иерусалиме — лучший памятник мятежному патриарху Никону. Собор повторял в плане модель иерусалимского храма. К храму прилепились двадцать девять приделов и гигантская ротонда. От этого же корня поднималась многоярусная колокольня, разрушенная во время войны.

Савва Звенигородский. Икона XVI в.

На молитве.

Здания так фантастически сплетены, что их невозможно представить разделенными. Строили их разные мастера в разные эпохи, включая послевоенную реставрацию нашего времени, но самое удивительное, что первоначальная суть собора не утратилась. Такова сила художественной идеи, изначально заложенной в XVII веке.

Но есть под Москвой и архитектурно скромные монастыри. Как, например, Спасо-Бородинский. В нем — другая сила: достоверность подлинного чувства, особая интимность, незатихающая боль скорбящего сердца вдовы генерала Тучкова.

Конечно, главный смысл монастырского послушания — молитва. Монастырь служит прежде всего этому. Архитектура, фрески, библиотеки, иконы, прикладное искусство — все служит главной цели — общению с Богом. Но туристы не могут заглянуть в монашескую келью, они видят внешнее, яркое. Монастыри хранили огромные художественные богатства, часть которых оказалась в советских музеях, а часть просто разграблена. Уцелело немного, тем интереснее свидетельство того же зоркого Теофила Готье, которому некогда с разрешения архимандрита Антония показали сокровища Троице-Сергиевой Лавры. «Все шкафы мне были открыты, и я смог увидеть библии, евангелия, литургические книги в обложках из позолоченного серебра, инкрустированного твердыми породами камней: ониксами, сердоликами, агатами, лазуритами, малахитом, бирюзой с золотыми и серебряными застежками, с древними камнями,

вделанными в переплет. Здесь были и чаши из золота, обрамленные бриллиантами, кресты, усеянные изумрудами и рубинами, перстни с сапфирами, ваза и подсвечники из серебра, долматские парчи с вышитыми на них цветами из драгоценных камней и надписями на старославянском языке с буквами, сделанными из жемчуга, курильницы, украшенные перегородчатой эмалью, триптихи с бесчисленными фигурами, образа богородицы и святых, золотые и серебряные пластины, усеянные кабошонами, христианизированные сокровища Гаруна аль-Рашида».

Однако монастырь — не оружейная палата и золотые чаши с бриллиантами суть не главное богатство монастырское. Гораздо важнее та сила притяжения, которая влечет сюда людей со всей России. Духовный свет, затеплившийся в этом уголке подмосковной земли шесть веков назад, дошел до нашего смутного времени.

Гудят колокола, горит огонек Сергиевой лампы. Никаким современным шумам не заглушится вечернего звона, на который откликнется сердце каждого русского человека.

Саввино-Сторожевский монастырь. Вид на звонницу. →
Фото В. Титова